РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 82-091 (82-97) (82-92)
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-107-115>

Библейские аллюзии в повести Н.В. Гоголя «Шинель»

Светлана Владимировна Бурмистрова

Московская духовная академия, Сергиев Посад, Россия, t-svet2007@yandex.ru; 0000-0003-3852-9797

Аннотация

Литературоведческая традиция религиозно-философского изучения повести Н.В. Гоголя «Шинель» связана преимущественно с интерпретацией содержащихся в ней евангельских образов, мотивов, сюжетов (напр., аллюзии на притчи о брачном пире, о богаче и Лазаре и др.), а также компонентов житийного текста (прежде всего, жития св. Акакия Синайского, а также св. мч. Акакия). Цель статьи – рассмотреть смысловые доминанты повести в контексте посланий апостола Павла, личность и богословие которого оказали существенное влияние на мировоззрение и творчество Гоголя. В «Шинели» функционируют мотивы «буква – дух», «ветхий – новый» и др., которые восходят к апостольскому тексту. Антитеза «буква – дух» является не просто фоновым мотивом повести, но формирует внутри сюжета о чиновнике микросюжет письма, который образуется с помощью таких смысловых узлов, как пишущий человек, текст, буква. «Чиновник для письма» Башмачкин существует в мире текста, распадающегося на буквы и лишённого смысла. Его сосредоточенность на служении букве и безразличие ко всему остальному, в том числе миру духовному, соотносится с обозначенной у апостола Павла антитезой «мертвая буква – животворящий дух». Бинарные оппозиции «ветхий – новый», внутренний человек – внешний человек, акцентированные в посланиях апостола Павла, определяют стержень художественной антропологии Гоголя, утверждающей идею духовного становления и духовного выбора человека. В связи с этим сюжет о Башмачкине прочитывается как история о трагическом оппадении человека от своего высокого предназначения, как история о человеке, не осуществившем переход от греховного существования к осмысленному бытию в духе.

Ключевые слова: *Н.В. Гоголь, «Шинель», апостол Павел, апостольский текст, петербургский текст, сюжет письма, сюжет о чиновнике, буква, слово, текст, скриптор, «маленький человек»*

Для цитирования: Бурмистрова С.В. Библейские аллюзии в повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 3 (239). С. 107–115. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-107-115>

RUSSIAN LITERATURE AND INTERCULTURAL LITERARY RELATIONS

Biblical allusions in N.V. Gogol's novella "The Overcoat"

Svetlana V. Burmistrova

Moscow Theological Academy, Sergiev Posad, Russian Federation, t-svet2007@yandex.ru; 0000-0003-3852-9797

Abstract

The literary tradition of the religious and philosophical study of N.V. Gogol's novel "The Overcoat" is mainly associated with the identification of evangelical images, motifs, plots (e.g., allusions to the parables of the marriage feast, about the rich man and Lazarus, etc.), as well as components of the hagiographic text (primarily, the lives of St. Acacius of Sinai, as well as St. martyr Acacius). The purpose of the article is to consider the semantic dominants of the story in the context of the epistles of the Apostle Paul, whose personality and theology had a significant impact on Gogol's worldview and creativity. In the "The Overcoat" there are motifs *letter – spirit, old – new*, etc., which go back to the apostolic text. The *letter – spirit* antithesis is not just a background motif of the story, but forms a micro-plot of writing inside the plot about the official, which is formed with the help of such semantic nodes as the writing person, text, letter. Bashmachkin's "Official for writing" exists in a world of text that breaks down into letters and is devoid of meaning. His focus on the service of the letter and indifference to everything else, including the spiritual world, correlates with the antithesis of the dead letter – life-giving spirit indicated by the Apostle Paul. The binary oppositions *old – new, "inner man" – "outer man"*, emphasized in the epistles of the Apostle Paul, define the core of Gogol's artistic anthropology, which asserts the idea of spiritual formation and spiritual choice of man. In this regard, the plot of Bashmachkin is read as a story about the tragic fall of a man from his high destiny, as a story about a man who did not make the transition from a sinful existence to a meaningful existence in the spirit.

Keywords: N.V. Gogol, "The Overcoat", the Apostle Paul, apostolic text, St. Petersburg text, the plot of the letter, the plot about the official, letter, word, text, scriptwriter, "little man"

For citation: Burmistrova S.V. Bibleyskiye allyuzii v povesti N.V. Gogolya "Shinel'" [Biblical allusions in N.V. Gogol's novella "The Overcoat"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 3 (239), pp. 107–115 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-3-107-115>

Введение

Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» и образ ее главного героя определяются в современном литературоведении как сложнейшие герменевтические проблемы. Неоднозначность истолкования образа Башмачкина связывается с «экспериментальным характером» (О.В. Зырянов) гоголевской художественной антропологии, которая наиболее объемно выразилась в этом персонаже. Суть данного эксперимента не только в сочетании разных эстетических традиций (романтической и реалистической), но и в попытке автора с помощью искусства слова восстановить падшую природу человека, воскресить его мертвую душу.

Литературоведческая традиция религиозно-философского изучения повести Н.В. Гоголя «Шинель» связана преимущественно с интерпретацией содержащихся в ней евангельских образов, мотивов, сюжетов (напр., аллюзии на притчи о брачном пире [1], о богаче и Лазаре [2] и др.), а также компонентов житийного текста (прежде всего, жития св. Ака-

кия Синайского, а также св. мученика Акакия [3]). Кроме того, именно образ Башмачкина способствовал закреплению в литературоведении представления о гоголевской антропологии как антропологии «негативной» [4, 5] в том смысле, что утверждение идеала человека (человек как образ и подобие Бога) осуществляется от обратного, т. е. писатель фокусирует внимание на искажениях или вообще на отсутствии духовного начала в человеке и тем самым указывает на его религиозную онтологию. Поэтому герой «Шинели» рассматривается преимущественно в контексте апостасийной парадигмы и сюжета грехопадения, т. е. как человек, позабывший о своем высоком духовном предназначении и поработивший себя вещи. Так, А.Б. Пивоваров утверждает, что «Шинель» – повесть о грехопадении, ее сюжет «структурно повторяет библейский сюжет: прельщение (ложными благами) – грехопадение – лишение (всяческих благ) – гибель» [6, с. 104].

Широкое распространение в литературоведении получила традиция, связанная с прочтением

«Шинели» через призму житийного жанра, прежде всего в контексте жития св. Акакия Синайского. Так, В.М. Маркович выявляет в повести те компоненты, из которых складывается житийный канон и которые позволяют увидеть в Башмачкине черты святого угодника: «очевидная предызбранность для будущего жизненного пути, безбрачие, отказ от жизненных благ и мирских соблазнов, исполнение черных работ, бегство от суеты, уклонение от любых возможностей возвышения, уединение, молчание, непреоборимая внутренняя сосредоточенность на своей задаче» [7, с. 83]. Однако, вписывая «Шинель» в житийный контекст, исследователи поясняют, что «общение текста повести и текста жития сложнее, чем просто заимствование, реминисценция, параллель, повторение житийных ситуаций... Совершенно очевидно, что в каждом шаге сюжета, где прозрачна эта традиция, видны явные отклонения, сдвиги, трансформация, сознательное ее нарушение... На каждый тезис житийного канона в повести Гоголя как бы дан антитезис, переворачивающий его содержание» [8, с. 163–164].

Интересную идею высказывает Е.П. Барановская, которая рассуждает о гоголевской повести как о «“зародыше” книги о пасхальном человеке» и встраивает ее в контекст «литературно-богословской триады» писателя («Шинель» – «Выбранные места из переписки с друзьями» – «Размышления о Божественной Литургии»). Образ Башмачкина осмысливается исследователем как выражение гоголевской антроподицеи и возводится к сакральной фигуре средневекового скриптора, чья повседневная практика призвана переутверждать «взаимосвязь Бога и человека» [9, с. 6].

Материал и методы

Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» исследуется в религиозно-философском и историко-литературном аспектах, что обусловило обращение к методологии библейской и филологической герменевтики, принципам интертекстуального и мотивного анализа художественного текста, а также сравнительно-историческому и культурологическому методам.

Результаты и обсуждение

Сложившиеся в гоголеведении интерпретации «Шинели» дополняют друг друга и подчеркивают ее «герменевтическую неисчерпаемость» (Е.П. Барановская). Вместе с тем некоторые религиозные пласты повести до сих пор остаются невыявленными и непрокомментированными. В частности, в ее структуре можно обнаружить мотивный комплекс, восходящий, как представляется, к апостольскому тексту. Имеются в виду мотивы ветхий – новый, буква – дух, внешний человек – внутренний чело-

век. Эти дихотомические оппозиции получили развернутое выражение в посланиях апостола Павла и впоследствии были осмыслены в святоотеческой литературе. Личность и богословие апостола Павла оказали существенное влияние на мировоззрение Гоголя, а к его посланиям восходит огромное количество интертекстуальных включений в произведениях писателя [10–13]. Об апостольском происхождении в повести мотивов буква – дух, внешний человек – внутренний человек могут свидетельствовать маргиналии, сделанные Гоголем в тексте принадлежавшей ему Славянской Библии. Несколько гоголевских помет относятся к тексту Второго послания к коринфянам. Так, напротив 16-го стиха четвертой главы («Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4:16)) сделана запись: «Наш внешний человек тлеет, но внутренний обновляется» [14, с. 154]. Отрывок из третьей главы, в котором апостол Павел рассуждает о различиях в служении Новому и Ветхому Завету, используя антитезу «буква – дух» («Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3:6)), также отмечен гоголевским комментарием: «Служение Нову Завету не письмом, но духом» [14, с. 154].

Антитеза «буква – дух» является не просто фоновым мотивом повести, но формирует внутри сюжета о чиновнике микросюжет письма, который образуется с помощью таких смысловых узлов, как пишущий человек, текст, буква. В ходе повествования этот мотив трансформируется и выражается в разных вариантах, например, закон – благодать, смерть – жизнь, слово – молчание и др.

Вообще в повести можно обнаружить немало количество образов, связанных с понятиями «письмо», «буква», «текст», а также можно заметить, что текст и текстовая реальность постоянно пересекаются с петербургской реальностью. Так, уже в начале повествования рассказывается о некоем капитане-исправнике, который обратился с «просьбой» по поводу того, что «священное имя его произносится решительно всуе» в каком-то романтическом сочинении, «где через каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже в совершенно пьяном виде» [15, с. 117]. О чине титулярного советника, в котором служил Башмачкин, автор замечает, что над ним «натрунились и наострились вдоволь разные писатели» [15, с. 117]. Наконец, сама история героя повести начинается с «лингвистического» исследования его фамилии, а также с ситуации имянаречения, которая подчеркивает вписанность героя в текст христианской культуры. И здесь важно обратить внимание не только на семантику выбранного в православном

календаре имени Акакий (незлобивый, кроткий), но и на указание точной даты рождения героя – 23 марта по старому стилю. Получается, что Башмачкин родился почти накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы, который по старому стилю отмечается 25 марта. Не вдаваясь в богословские подробности праздника, отметим лишь, что Благовещение осмысляется как центральное событие всей Священной истории, которое, что важно подчеркнуть, находится ровно посередине между Ветхим и Новым Заветом. Этот контекст вносит в образ Башмачкина дополнительную смысловую нагрузку, связанную прежде всего с семантикой перехода от буквы, за которой стоит ветхий закон, к духу и воплощенному Богу-Слову. Кроме того, акцент на особой дате рождения героя и его имени, а также намек на то, что он является, скорее всего, обетованным сыном, так как родился от престарелых родителей, – все это позволяет предположить, что автору важно подчеркнуть мысль об особом призвании/предназначении героя. В свете библийского мотива «буква – дух» это предназначение видится, собственно, в переходе Башмачкина как «чиновника для письма» от служения «смертоносной букве» к служению Слову в высшем смысле.

Текстовые образы, скрепляющие сюжет письма, возникают и в связи с описанием мировосприятия Башмачкина. Акакий Акакиевич смотрит на окружающее через призму текста, но не большого текста христианской культуры, с которого началась его личная история, а всего лишь локального текста канцелярского документа: «Акакий Акакиевич, если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо... тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы» [15, с. 120]. Текстовая реальность Башмачкина подчеркнута правильная в том смысле, что в ней соблюдаются установленные правила/законы переписывания канцелярской бумаги (отсюда такие характеристики, как «чистые, ровным почерком выписанные строки», «не делал ни одной ошибки в письме»).

Вообще мотив закона, регламентированных правил принципиально важен для понимания повести. Его содержание определяется преимущественно библийским контекстом, т. е. антитезой «буква – дух», в которой буква отождествляется именно с законом, системой жестких предписаний. В сюжете письма этот библийский план усиливается тем, что текст в восприятии Башмачкина распадается на буквы, среди которых у него были даже свои «фавориты». Но, переписывая канцелярские бумаги, Башмачкин не только не интересуется их содержанием и не оценивает их «по красоте сло-

га», но даже не воспринимает их как связный текст. Иными словами, для Башмачкина за буквой/законом не стоит какая-либо осмысленная реальность, соответственно, его переписывание, его служение букве является почти механическим действием. Заметим, что речь Башмачкина также отличается отсутствием полноценных связных слов и смыслов: «Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения» [15, с. 124].

В сюжете о чиновнике мотив «буква – дух» выражается через оппозицию «чин – человек». В петербургских повестях Гоголя чиновничий мир всегда жестко регламентирован. Не случайно в «Шинели» возникает такой образ, как «законное пространство», подчеркивающий, что Башмачкин существует в отведенном его чину пространстве («Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался пробежать как можно скорее законное пространство» [15, с. 122]). Одним из главных регуляторов петербургской реальности выступает понятие «чин». В основе конфликта в сюжете о чиновнике лежат противоречия между чином и человеком, между петербургским миром и чиновником. В «Шинели» конфликт чина и человека связан с образом «значительного лица», к которому Башмачкин обратился с просьбой помочь найти украденную шинель. Так, автор отмечает, что этот генерал «был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку» [15, с. 137]. При этом чин не только определяет его мысли и поведение в обществе, но и по большому счету уничтожает в нем человеческое начало, связанное с даром слова, превращая его в почти бессловесное существо. Так, его разговор с подчиненными «состоял почти из трех фраз: „Как вы смеете?“» [15, с. 137]. Если же генерал оказывался за пределами канцелярии, «в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его», то «там он... молчал... произнося только изредка какие-то односложные звуки» [15, с. 138]. Петербург в гоголевской повести способен обесчеловечить человека в любом чине и звании, стирая тем самым грань между генералом и титулярным советником и воплощая искаженную идею братства.

Собственно, конфликт «маленького человека» с чиновничьим Петербургом получает в повести весьма своеобразное выражение. Для Башмачкина этого конфликта не существует, поскольку для него вообще не важен чин и чиновничья иерархия – эти явления им не осмыслены, в его мире букв таких слов нет. Кроме того, для Башмачкина не существует и самой петербургской реальности (т. е. того

«законного пространства», которое ему доступно), так как он переводит ее в текст, в канцелярское письмо, которое не является для него источником конфликта. Напротив, переписывание для Башмачкина – единственное, что доставляет ему наслаждение, поэтому он переписывает канцелярские бумаги не только в ведомстве, но и дома, но здесь уже не по долгу службы, а «для собственного удовольствия». Все его помышления, по крайней мере в дошинельный период, сосредоточены исключительно на переписывании, которое становится для него своего рода страстью. Подчеркивая масштаб этой страсти, автор отмечает, что, даже ложась спать, Башмачкин улыбался «заранее при мысли о завтрашнем дне: „что-то Бог пошлет переписывать завтра“» [15, с. 121]. С переписыванием казенных бумаг Башмачкин связывает свое служение, причем служит он «ревностно и с любовью». Служение букве становится для Башмачкина «почти религиозным служением» (И.А. Виноградов). Кроме того, оно было настолько самодостаточным, что вне «этого переписыванья», как отмечает автор, для Башмачкина «ничего не существовало» [15, с. 120]: ни людей, ни вещей, ни даже самого себя. «Он не думал вовсе о своем платье» [15, с. 120], не замечал вкуса еды, не обращал внимания на злые шуточки чиновников, «как будто никого и не было перед ним» [15, с. 119].

Подчеркнутый в повести аскетизм героя позволяет исследователям связать его образ с несколькими культурными моделями: образом христианского аскета, архетипом средневекового скриптора и романтической традицией художника. Так, Ч. Де Лотто сравнивает Башмачкина с иноком и подчеркивает, что он «аскет по самой своей природе» [16, с. 64]. Ю.В. Манн возводит аскетические черты в образе Башмачкина (самоограничение, безразличие к карьерному росту, неприязнательность и др.) к психологическому комплексу юрдыства [17, с. 177]. И.А. Виноградов соотносит образ Башмачкина с романтическим архетипом художника. По мнению исследователя, «самоотверженная любовь героя “Шинели” к своему должностному занятию свидетельствует, по замыслу Гоголя, не о чем ином, как о погребенном в Акакии Акакиевиче незаурядном... таланте... „художника“». [18, с. 218]. В то же время И.А. Виноградов поясняет: «“Художником” герой “Шинели” является не в собственном смысле, но лишь как человек, наделенный соответствующими незаурядными способностями для “искусного”, самоотверженного служения в своей особой, должностной сфере» [18, с. 219]. Е.А. Барановская отмечает в образе Башмачкина черты средневекового скриптора, что позволяет ей рассматривать «Шинель» не как «повесть о несостоявшемся просветлении низшего чиновника в акте

письма», а как «житийное чудо», связанное с оправданием маленького человека, «чьи буквы созревают в живое и действующее Слово о братстве» [9, с. 8]. Безусловно, некоторые черты средневекового переписчика, обозначенные С.С. Аверинцевым, прочитываются в образе Башмачкина: например, преклонение «перед святыней пергамента и букв» [19, с. 218], а также «умонастроение прилежного писца» [19, с. 219]. Тем не менее между Башмачкиным и фигурой скриптора есть существенное отличие, не позволяющее их отождествлять. Средневековый скриптор переписывает не просто текст, но священный текст, в котором видит не только систему знаков, но и воплощенный в них Божественный дух, «письмо Христово», написанное на скрижалях человеческого сердца, и поэтому в акте письма становится возможным просветление пишущего человека, а сам акт письма отождествляется с сакральным действием. Башмачкин копирует всего лишь канцелярский документ, отождествляемый с государственным аппаратом управления, а в аллегорическом смысле – с «буквой закона», лишенной животворящей силы, что делает проблематичным его духовное просветление в акте письма, а также ставит под сомнение возможность «созревания» его буквы в «живое... Слово о братстве».

Слово о братстве – это не столько результат перерождения буквы Башмачкина в его действительное слово, сколько проявление того благодатного духа, который противостоит «смертоносной букве». Именно эта благодатная духовность, которая в повести именуется как «неестественная сила», наполнила слова «маленького человека» «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» новым смыслом – «Я брат твой». Эта же «неестественная сила» способствовала духовному перерождению молодого чиновника и позволила ему не только услышать в словах Башмачкина звенящие/духоносные слова о братстве, но и по-настоящему увидеть в нем своего брата.

Именно с этой «неестественной силой», т. е. божественным миром, а вовсе не с Петербургом, «чиновник для письма» Башмачкин вступает в конфликт, правда, не осознавая этого. Петербург в повести – это не столько источник конфликта, сколько реальность, в которой проявляет себя божественное начало. Не случайно именно такое понимание конфликта повести получило развитие в пьесе современного драматурга О. Богаева «Башмачкин» (2004), в которой проблематизируется «вопрос о формах и способах проявления божественного в абсурдном мире» Петербурга [20, с. 130].

Вообще, духовная реальность в повести очень активна, она постоянно напоминает о себе Башмачкину, мотивируя его к сотворению слова и не

просто слова, но молитвенного слова. Ее знаковым выражением в повести может выступать любой элемент петербургского мира, если он вовлечен в сферу действия Божественного промысла. Например, им может стать такой привычный элемент петербургского текста, как образ ветра. О его символической функции в «Шинели» свидетельствуют появление у него сверхъестественных признаков, соотносимых с семантикой дыхания, духа, который «дышит, где хочет» (Ин. 3:8). Так, автор отмечает, что ветер дул на Башмачкина одновременно «со всех четырех сторон, из всех переулков» [15, с. 140]. Но наибольшая степень присутствия духовного мира, побуждающего Башмачкина к молитвенному слову и пробуждению его внутреннего человека, ощущается в сцене ограбления. Для этого эпизода характерно максимальное сгущение символов, связанных преимущественно с семантикой перехода. Так, автор сообщает, что улица, по которой Башмачкин возвращался домой, «перерезывалась... большой площадью», что символизирует границу, переход, а также необходимость выбора. Также в повести подчеркивается, что площадь была почти полностью погружена в кромешную тьму, лишь вдали, «Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшей на краю света» [15, с. 134]. Площадь названа «страшной пустынею», также она сравнивается с морем. Пустыня, море – библейские образы, имеющие в том числе семантику перехода, чудесного выхода из египетского плена в землю обетованную. Площадь внушает Башмачкину страх: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе» [15, с. 134]. Вся обстановка словно провоцирует героя к духовному пробуждению, заставляет его вспомнить о Боге и обратиться к нему за помощью. Но вместо этого он всего лишь решил закрыть глаза, чтобы, не видя «страшной» площади, попытаться поскорее пересечь ее и выйти на прежнюю дорогу.

Выбрав в очередной раз путь без Бога, герой лишается самого ценного в своей жизни – новой шинели. Сама ситуация лишения Башмачкина шинели имеет прообразовательный смысл: шинель здесь символизирует душу, которую у человека могут внезапно и вдруг отобрать темные силы. Этот символический смысл становится тем более очевиден, если мы обратим внимание на образы грабителей, которые подчеркнута безликость, а их единственные приметы – черные усы и громовой голос. Если мы заменим слово «шинель» на слово «душа» в произнесенной одним из этих грабителей фразе («А ведь шинель-то моя!»), то ассоциации с inferнальными силами, с которыми столкнулся Башмачкин, станут еще более прозрачными.

Образ шинели в повести многозначен. Д.В. Долгушин связывает его с религиозной формулой «одеяния души» и рассматривает в контексте притчи о брачном пире: «облачившийся в новую шинель Акакий Акакиевич... отправляется на пир... который устраивает чиновник из его отделения. И в этом трагедийном параллелизме обнажается трагедия Акакия Акакиевича: одеянием его души, его «брачной одеждой» становится шинель, а вместо пира Царствия Божия он идет на чиновничью пирушку» [1, с. 34].

Образ шинели можно рассматривать и в контексте учения апостола Павла о ветхом и новом человеке. Навязанная петербургской реальностью необходимость новой шинели сначала пугает Башмачкина: «При слове „новую“ у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться» [15, с. 125]. Однако постепенно мысль о новой шинели принимается им. Более того, «вечная идея шинели» производит изменения в его существовании, которое, как замечает автор, «сделалось как-то полнее, как будто бы он женился». Меняется и сам Башмачкин: «Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель... Огонь порою показывался в глазах его» [15, с. 129]. Однако цель этих кардинальных изменений подчеркнута приземленная/овеществленная – приобретение новой вещи, которая, следует заметить, поработила героя настолько, что вытеснила его прежнюю страсть – букву. Поэтому намеченное в повести преобразование Башмачкина в нового человека подменяется торжеством ветхого человека, плененного вещью. В этом смысле новая шинель сама становится символом ветхой души, поработанной страстью. Интересно заметить, что метафорическая параллель между шинелью и душой выстраивается и в сознании самого героя, который однажды подумал: «не заключается ли каких грехов в его шинели» [15, с. 122].

Попытки Башмачкина вернуть шинель описываются в повести как мытарства, которые его ослепленная страстью душа познала уже здесь, на земле. Не случайно внешний вид Башмачкина, возвращавшегося после «распекания» у генерала, напоминает измученного пытками человека: «Он шел по выюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров... Вмиг надуло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель» [15, с. 140].

Вместе с тем автор подчеркивает, что у героя, уже лишившегося шинели, по-прежнему сохраняется выбор, а духовный мир продолжает активно напоминать ему о себе. Так, например, когда хозяйка Башмачкина советует ему обратиться за помощью к «частному», то попутно сообщает, что тот

«бывает... всякое воскресенье в церкви, молится» [15, с. 135]. Примечательно, что и сам «частный» в разговоре с Башмачкиным задает ему такие вопросы, которые предполагают в ответчике почти что блудного сына: «Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме» [15, с. 136]. Иными словами, эти вопросы должны были направить взор Башмачкина на своего внутреннего человека, помочь ему познать самого себя, а значит, и познать Бога (в этом, по Гоголю, состоит суть «Божественной науки»). Однако Башмачкин по-прежнему предпочитает не замечать божественного присутствия в своей жизни, все более и более отдаляясь от возможности спасения как своей шинели в земной жизни, так и своей души в вечности.

Важно отметить, что описание жизненного пути героя завершается мотивом немоты, который преодолевается лишь на миг в предсмертной агонии. Однако предсмертное слово Башмачкина подчеркнуто негативное, разрушительное: он «сквернохульничал, произнося самые страшные слова» [15, с. 140], «говорил совершенную бессмыслицу»

[15, с. 141]. Такое слово свидетельствует о несостоявшемся просветлении ветхого человека и о неосуществившемся созревании его буквы в одухотворенное слово.

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что природа образа Башмачкина принципиально полисемантическая и обнаруживает связь с несколькими архетипами: средневекового переписчика, романтического художника, христианского аскета. В то же время художественная антропология Гоголя всецело определяется христианской концепцией внутреннего и внешнего человека и поэтому связана прежде всего с идеей поиска Христа в человеке. В этом плане архетипы скриптора, художника и аскета становятся только знаками «внутреннего человека» Башмачкина, т. е. человека, сопричастного Христу, но которого герой «Шинели» так и не смог найти в самом себе и выразить в собственной жизни. Интертекстуальные включения из посланий апостола Павла сообщают повести дополнительный смысловой объем, позволяя обнаружить в гоголевском сюжете письма мотивы текста, буквы и соотнести их с библейской антитезой «смертоносной буквы» и «животворящего духа».

Список источников

1. Долгушин Д.В. Еще раз о святоотеческих мотивах в «Шинели» Н.В. Гоголя // Сибирский филологический журнал. 2007. № 4. С. 30–35.
2. Сатарова Л.Г., Стюфляева Н.В. О некоторых аспектах христианского прочтения повести Н.В. Гоголя «Шинель» (в свете учения свт. Тихона Задонского о грехах и добродетели) // Святитель Тихон Задонский и пути развития русского богословия, культуры, образования: материалы Международной научно-практической конференции / под ред. протоиерея О.Е. Безруких, Н.В. Стюфляевой. Липецк: Изд-во Липецкого государственного педагогического университета им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 172–179.
3. Ветловская В.Е. Житийные источники гоголевской «Шинели» // Русская литература. 1999. № 1. С. 18–34.
4. Н.В. Гоголь как герменевтическая проблема: к 200-летию со дня рождения писателя / под общ. ред. [и с предисл.] О.В. Зырянова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 348 с.
5. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. 2-е изд. М.: Юрайт, 2021. 228 с.
6. Пивоваров А.Б. Мотив «приобретения одежды» в христианской традиции и повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Источниковедение в школе. 2009. № 1–2. С. 99–108.
7. Маркович В.М. Петербургские повести Н. Гоголя. Л.: Художественная литература, 1989. 208 с.
8. Дилакторская О.Г. Фантастическое в «Петербургских повестях» Н. Гоголя. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1986. 206 с.
9. Барановская Е.П. «Номо scribens»: антропологические аспекты письма в творчестве Н.В. Гоголя (от «Шинели» к «Размышлениям о Божественной Литургии»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 27 с.
10. Keil R.-D. Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate // Festschrift für Herbert Bräuer. Köln; Wien, 1986. S. 193–220.
11. Воропаев В.А. «Нет другой двери...». Евангелие в жизни Гоголя // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX вв.: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. трудов. Петрозаводск, 2001. Вып. 3. С. 180–197.
12. Михед П.В. Об апостольском проекте Гоголя (опыт реконструкции) // Гоголь как явление мировой литературы / под ред. Ю.В. Манна. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 42–55.
13. Бурмистрова С.В. Функции апостольского текста в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. Гоголя // Stephanos. 2019. № 3 (35). С. 99–107.

14. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 9: Выписки из творений Святых Отцов. Каноны и песни церковные. Словари. Записные книжки / сост., подготовка текстов и комментариев И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 968 с.
15. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии / сост., подготовка текстов и комментариев И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.
16. Лотто ч. Де. Лествица «Шинели» // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 58–83.
17. Манн Ю.В. Карнавал и его окрестности // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 154–182.
18. Виноградов И.А. «Я брат твой». О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. научных трудов. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2001. С. 214–239.
19. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
20. Баль В.Ю. Повесть Н.В. Гоголя «Шинель» в рецептивном сознании эпохи рубежа XX–XXI веков. Статья 2 // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2024. Вып. 6 (236). С. 123–133.

References

1. Dolgushin D.V. Yeshchyo raz o svyatootecheskikh motivakh v “Shineli” N.V. Gogolya [Once again about patristic motives in N.V. Gogol’s “Overcoat”]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2007, no. 4, pp. 30–35 (in Russian).
2. Satarova L.G., Styuflyayeva N.V. O nekotorykh aspektakh khristianskogo prochteniya povesti N.V. Gogolya “Shinel” (v svete ucheniya svt. Tikhona Zadonskogo o grekhakh i dobrodeteli) [On some aspects of the Christian reading of N.V. Gogol’s novella “The Overcoat” (in the light of the teachings of St. Tikhon Zadonsky on sins and virtue)]. *Svyatitel’ Tikhon Zadonskii i puti razvitiya russkogo bogosloviya, kul’tury, obrazovaniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [St. Tikhon Zadonsky and the ways of development of Russian Theology, culture, and education: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Pod red. protoiyereya O.E. Bezrukikh, N.V. Styuflyayevoy. Lipetsk, Lipetsk Pedagogical University Publ., 2022. Pp. 172–179 (in Russian).
3. Vetlovskaya V.E. Zhitiynnye istochniki gogolevskoy “Shineli” [Hagiographic sources of Gogol’s “Overcoat”]. *Russkaya literatura*, 1999, no. 1, pp. 18–34 (in Russian).
4. *N.V. Gogol’ kak germenevticheskaya problema: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya* [N.V. Gogol as a hermeneutical problem: on the 200th anniversary of the writer’s birth]. Ed. O.V. Zyryanov. Yekaterinburg, Ural university Publ., 2009. 348 p. (in Russian).
5. Goncharov S.A. *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol’s work in a religious-mystical context]. Moscow, Yurayt Publ., 2021. 228 p. (in Russian).
6. Pivovarov A.B. Motiv “priobreteniya odezhdy” v khristianskoy traditsii i povesti N.V. Gogolya “Shinel” [The motive of “buying clothes” in the Christian tradition and the story of N.V. Gogol “The Overcoat”]. *Istochnikovedeniye v shkole*, 1999, no. 1-2, pp. 99–108 (in Russian).
7. Markovich V.M. *Peterburgskiy povesti N. Gogolya* [The Petersburg stories of N. Gogol]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 208 p. (in Russian).
8. Dilaktorskaya O.G. *Fantasticheskoye v “Peterburgskikh povestyakh” N. Gogolya* [The Fantastic in N. Gogol’s “Petersburg Stories”]. Vladivostok, FEPU Publ., 1986. 206 p. (in Russian).
9. Baranovskaya E.P. “Homo scribens”: antropologicheskiye aspekty pis’ma v tvorchestve N.V. Gogolya (ot “Shineli” k “Razmyshleniyam o Bozhestvennoy Liturgii”). *Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [“Homo scribens”: anthropological aspects of writing in the works of N. V. Gogol (from “The Overcoat” to “Reflections on the Divine Liturgy”). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Omsk, 2004. 27 p. (in Russian).
10. Keil R.-D. *Gogol im Spiegel seiner Bibelzitate. Festschrift für Herbert Bräuer*. Köln; Wien, 1986. Pp. 193–220.
11. Voropaev V.A. “Net drugoy dveri...”. Yevangeliye v zhizni Gogolya [“There is no other door...”. The Gospel in Gogol’s Life]. *Yevangel’skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3* [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific works. Issue 3]. Petrozavodsk, Petrozavodsk university Publ., 2001. Pp. 180–197 (in Russian).
12. Mikhed P.V. Ob apostol’skom proekte Gogolya (opyt rekonstruktsii) [About Gogol’s Apostolic project (reconstruction experience)]. *Gogol kak yavleniye mirovoy literatury. Pod redaktsiyey Yu.V. Manna* [Gogol as a phenomenon of world literature. Edited by Yu.V. Mann]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2003. Pp. 42–55 (in Russian).
13. Burmistrova S.V. Funktsii apostol’skogo teksta v “Vybrannykh mestakh iz perepiski s druz’yami” N. Gogolya [The functions of the Apostolic Text in N. Gogol’s “Selected Passages from Correspondence with Friends”]. *Stephanos*, 2019, no. 3 (35), pp. 99–107 (in Russian).
14. Gogol’ N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 tomakh. Tom 9: Vypiski iz tvoreniy svyatykh otsov. Kanony i pesni tserkovnyye. Slovarei. Zapisnyye knizhki*. Podgotovka tekstov i kommentariyev I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev [Complete Works and Letters: in 17 vol., vol. 9: Extracts from the works of the Holy Fathers. Canons and songs of the church. Dictionaries.

- Notebooks. Comp., preparation of texts and comments I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 968 p. (in Russian).
15. Gogol' N.V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 17 tomakh. Tom 3: Povesti; T. 4: Komedii*. Podgotovka tekstov i kommentariyev I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev [Complete Works and Letters: in 17 vol., vol. 3: Stories; vol. 4: Comedies. Comp., preparation of texts and comments I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoy Patriarkhii Publ., 2009. 688 p. (in Russian).
 16. Lotto Ch. De. Lestvitsa "Shineli" [Ladder of "Overcoat"]. *Voprosy filosofii*, 1993, no. 8, pp. 58–83 (in Russian).
 17. Mann Yu.V. Karnaval i yego okrestnosti [Carnival and its surroundings]. *Voprosy literatury*, 1995, no. 1, pp. 154–182 (in Russian).
 18. Vinogradov I.A. "Ya brat tvoy". O povesti N.V. Gogolya "Shinel'" ["I am your brother". About N.V. Gogol's novel "The Overcoat"]. *Yevangel'skiy tekst v russkoy literature XVIII–XX vekov: tsitata, reministsentsiya, motiv, syuzhet, zhanr: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3* [The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quotation, reminiscence, motive, plot, genre: collection of scientific works. Issue 3]. Petrozavodsk, Petrozavodsk university Publ., 2001. Pp. 214–239 (in Russian).
 19. Averintsev S.S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [The Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p. (in Russian).
 20. Bal V.Yu.N. Povest' N.V. Gogolya "Shinel'" v retseptivnom soznanii epokhi rubezha XX–XXI vekov. Stat'ya 2 [Gogol's story "The Overcoat" in the receptive consciousness of the turn of the XX–XXI centuries. Article 1]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2024, vol. 6 (236), pp. 112–133 (in Russian).

Информация об авторе

Бурмистрова С.В., кандидат филологических наук, доцент, Московская духовная академия (Свято-Троицкая Сергиева Лавра, Сергиев Посад, Россия, 141300).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3852-9797; SPIN-код: 3664-4278.

Information about the author

Burmistrova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Moscow Spiritual Academy (Holy Trinity Lavra of St. Sergius, Sergiev Posad, Russian Federation, 141300).

E-mail: t-svet2007@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0003-3852-9797; SPIN-code: 3664-4278.

Статья поступила в редакцию 19.12.2024; принята к публикации 03.04.2025

The article was submitted 19.12.2024; accepted for publication 03.04.2025